

Андрей Тавров

ИЗ ЗАПИСОК ГАМЛЕТА

12 МАРТА

Судьба, ей богу, формируется в переменном узле напряжений, возникшем от столкновения человеческой воли (что ж там в ней, этой воле, действует? — планеты? данное при рождении имя? наследственность? песни няньки? — и т. д., и т. п., и еще сто и одна причина), столкнувшейся с усилием воли сверхприродной, также живущей в человеке, ему на радость ли, на беду ль. У нее нет причин, она просто мягко наличествует. Картинку этих воль можно уподобить сцепке сил, ведущих яхту по курсу: ветер — противодействие руки, лежащей на руле — работа паруса — волны. Невидимый, но сошедшийся в узел параллелограмм силовых векторов. Сумма стянута в рулевом. И чем сильнее напряжение, ведущее к сверхъестественной воле, а не к человеческой, чаще всего сиюминутной, однодневной потребности — тем чище судьба. Может же курс парусника сиять и светиться, если не в солнце, то хотя бы как след фосфоресцирующих, хоть и гниющих, бактерий.

20 МАРТА

Подумать только, паруса приходят с моря
не принося с собой ни одного силлогизма,
ветер дует, вороша книгу, как стог сена
с любовниками, цветами, целебными травами
и не произносит слов, но стог становится говорящим
без помощи речи. Я скоро обойдусь воробьем за пазухой
и парой эмблем как они есть —
лев например на красном поле или зимородок на горе.
Ей богу, я буду ходить не ногами и словами,
а как ходят слепцы — на ощупь, пальцами,

без всяких объяснений отличая льва от сороки,
а благородные уста от лживых.
А теперь главное: куда смотрит иголка?
Не в зависимости от того, кто смотрит на нее —
орел или какая-нибудь устрица, а сама по себе.
Куда смотрит она своим на две стороны ушком?
Разгадка вернет честь поруганной деве,
распрямит плечи бедняку, вернет иноходь коню,
смысл словам, правдивость чиновникам,
выправит ход светил на орбитах.
Куда она смотрит?
Иголка ушком смотрит сама в себя
и видит все сразу.

22 МАРТА

Корабль что в Англию сейчас плывет
гудя оснасткой схожей с паутиной
в туманном лунном свете — не корабль
а тысяча и тысяча судов

чьи паруса почти что совпадают
двоясь как мимика когда
в лице играет приглушенный свет
сумбурных противоречивых мыслей

И магнетизм таинственный планет
и сорт деревьев что пошли на мачты
и их дриады что внутри заснули
наследственная память рулевого
и бабочка летящая вдали
уйдя в глубь судна порождают флот.

●
Подумать только что швеи игла
когда-то воткнутая в парусину
сшивая парус расщепила суть
на деву и прыжок дельфина

на каплю крови розового пальца
и черный ход пучины под луной
Из слишком многого мы состоим
и цельный облик наш — дурной фантом.

бьюсь об заклад у вещи нет итога
ни в функции ни форме и ни в смысле
так что же говорить о человеке
под кожей одного теснятся толпы
убийц владык купцов живых и мертвых
текущих в нем как в небе млечный путь

●
Так что есть человек что есть ты сам
где суть всех эти связей — в мысли
иль в сердце как об этом говорят
молитвенники в кельях и берлогах

куда плыву я этой суммой звезд
или я тот чего хочу сегодня
а завтра тот кто стонет по вчера
кому же дрозд поет в тумане сосен

кто деву и целует и дрожит
от чувств глубоких как святой колодец
и кто она когда мне отвечает
на поцелуй прерывистым дыханьем
кто мы зачем мы здесь куда плывем
будь все оно неладно к черту к черту

●

давай вот так: на дне таится камень
среди тихих звезд плывет кувшинкой ангел
пастух пасет костер рождает пламень
свеча горит ведет окружность циркуль

и вновь начнем: вот белый камень вот
он белый камень он тяжел и прост
он бел в нем нет ни мыслей ни пустот
он камень на земле на ветке дрозд...

...он между плеч свистит в свою свирель
он белый камень делу голова
корабль играл но скоро сел на мель
его за Мэй просватала сова
свисти мой дрозд заместо головы
пучком руки зажав пучок травы

10 АПРЕЛЯ

...но если есть события подготовленные, как, к слову, розовое лицо девы перед встречей с возлюбленным подготовлено воображением и предчувствием встречи, а также памятью о том, каким она видела его прежде и как он хорош, то согласно логике и интуиции, и даже интуиции больше, чем логике, должны существовать также и события неподготовленные. События ничем не предопределенные. Скажем, есть дождь, который предуготован явлениями атмосферного характера. Но ведь тогда должен быть и дождь, который ничем не обусловлен, не предуготован, дождь ниоткуда, дождь нипочему, который можно было бы назвать немислимым.

Некто утверждал, что никто не видел единорога по той причине, что он не мыслим в указанном смысле слова, а немислимые вещи у нас не хватает машинальности замечать. Они вне затверженного порядка и поэтому для большинства невидимы. Глаз ленивец, мысль автоматична. Чтобы увидеть немислимый дождь или животное с бивнем во лбу, надо быть с ними в одном времени и в одном бодр-

ствовании. Можно сказать, что для этого надо быть с ними на той самой волне внимания, на которой они суть. И человек на это способен, потому что он способен войти в природу любого существа — вот в чем его несомненная, хоть и бросающая ему вызов, особенность. И тогда можно увидеть, что, например, немислимый дождь идет вместе с обычным. Более того, несмотря на их различие, они выглядят как один и тот же дождь. То же самое можно сказать про деву, про скалу, черепаху, вообще, кажется, про любую вещь на свете.

Поговорю сегодня на эту тему с Г., благо, что с ним есть возможность говорить не только о подвязках и духах, или о сортах вина, поданного вчера к обеду. Поговорю с Горацио тем самым — немислимым. Думаю, кроме меня, немислимого, никто не понимает, что за история происходит в замке и с какими актерами. История такова, что все видят коров вместо единорога.

17 АПРЕЛЯ

Не люблю я делящейся речи, в отличие от музыки, думал я вчера, и тут я понял, что слова вовсе не делятся с точки зрения этого необуловленного мира, о котором шла речь. Это в мире божьем, но людьми сотворенном, они скачут, как одержимые, и квохчут, как куры ввиду петуха, а если взглянуть поглубже, то они происходят, меняются, осушают воды, как Моисей, не сдвигаясь со своего воздушного гнезда. Вот оно что! Слово меняется, но никуда не бежит, и меняется оно не во времени, а в своем собственном пространстве, попадающем в зону других пульсирующих, как и оно, пространств. Не надо, ради всех святых, рассказывать басни, где подлежащее обязательно должно быть подкреплено сказуемым. «Он ее любит» — боже, что за убожество! И еще сорок тысяч слов, чтобы они, пинаясь и расталкивая друг друга, гнались к финишу, в котором, выясняется, как именно он ее любит, или почему ему пришлось отдать свою болтливую жизнь за свою болтливую любовь. Но нет. Слово по природе своей не принадлежит времени и его беготне. Оно похоже на камень на дне прозрачного ручья — все время движется, не сдвигаясь с места. Или еще больше оно похоже на водоросли, которые омывает — только не время — превращение. Превращение и голос иных пространств колеблет их, как иногда колеблет деву и самого влюбленного странное

течение иных вод, и тогда они танцуют свой тихий и непреодолимый танец, словно в водах этого потока они обрели другое дыхание и другую плоть.

•

Чудовище, что целых сорок лет
ловили в непролазных дебрях,
все ж поймано, его ведут на свет,
и тень решетки скачет, будто зебра.

Зверь, как медведь, лохмат, во вшах и язвах,
смердит, как нужник, прячет гнойный лик
и, как химера, состоит из разных
пород и тел, в один вмещаась миг.

Толпа беснуется — сжечь заживо отродье!
Рви на куски! Зверь открывает рот,
и музыки хрустальной половодье
из гнойных губ струится и плывет,
как сердцу — глубь, как деве — ореол,
как старцу — мир и древу жизни — ствол.

18 АПРЕЛЯ

Риторика появляется там, где остывает земля. Чрезмерное умятование и отказ от глагола природы, вообще от глагола — возникают там, где небо разжижено.

•

Понаблюдайте за скачкой коней. Ей богу, это уже не физические движения, это рисунок бессловесной мысли, куда более выразительной и емкой, чем мысль словесная. Ибо мышление без слов не знает фиксаций и не плодит щелей в разуме, в которые, как в щели забо-

ра, струится дискретный сквознячок готового знания. Бессловесная мысль — не твой ли дар, Афина, вышедшая из обиталища мыслей, черепа Зевса, не словом или идеей, а целиком и во всеоружии, гремя щитом и сияя шлемом.

20 ИЮЛЯ

он говорит — как выпь из хрустала
поваленная в гладь ручья
где водоросли сама знаешь как движутся перебирая так вот
как выпь из хрустала с одной обнажившейся грудью
потому что голодны рыбы-младенцы перси же кормят их очи
молоком плывет во рву и снова во рву как дерево бывает
под корою — в кольце и снова в кольце и снова до
или фараона хоронят в гробнице а ту хоронят
в гробнице гробницы и ту
хоронят в гробнице и тело в воде — внутри тела еще и еще и еще
внутри тела и тела и тела свободно как дантовы сферы
с пением одна в другой
как пенье одно в другом как смерть одна в другой
как вечность одна в другой
как каждая вещь однажды видит себя одна в другой и в другой
и в воде и ручей и знаешь как пифагор учил пению сфер так и тела
юных дев у каждого своя нота свой ручей своя грудь свои водоросли
касания одного тела другого как касания сфер и так они пропевают
всю ее жизнь располагая ее неожиданно
располагая в других просторах
и тогда рыбы козы коршуны слушают пение поднимаясь восходя
от сферы к сфере как водоросли и перламутр во время прилива
как щепки и рыбки как крабы и волосы
часть вознесшись назад не идет
вот почему после некоторых смертей пустеют города сады и стада
ты знаешь у рожениц и любовниц одна поза знаешь а тут
рыбы заплывают в рот уста горят как глаза ночные
стонут петухи деревень
мельничное колесо крутится поднимая воду вместе с ней вместе

с ней и чтоб сказать это надо сказать колесо с рыбой с водой
как оно поднимается из-под ног мельника уходит выше головы выше
крыш в небо и возвращается с другой головой

разными невидимыми
существами они заселят леса вот увидишь

как снег растают под кожей
небожители кому имя плач кому смерч кому многоголовое
никакое скажи слово выдавливающее ушко
из иголки реку из русла мертвых из склепов песнь из ручья

Ай моя звездочка лодка белодонная альпийский снежок
перевернутый Ай ай белая ласточка ось земная соломинка
клинку ножны дом клинку ночь нежна клинку мочь влажна
ай ай девочка моя голубица речная нет на тебе пятна по всей длине
чист от тебя ручей как от бивня единорога светла выпь-река

—

Послать такие стихи деде, чистой, как утренние снега — упаси господь! К ноге, дурные стишки, к ноге!

21 ИЮЛЯ

Пространство плача лодка с парусами
и мускулы болят от черного весла
и будто бы родились снова
волна и даль и время и лицо
зашедшие в пространство глубже смерти
превозмогающие суть самих себя
рожденные трудами песни-роженицы
в которой человек и птица
нетленны как Орфей зашедший плачем в ад
и вышедший и горестным и легким

есть звук что выпрямляет миру позвонки
и смертных он роднит с богами ибо
зрят плачем выжженные очи

ту область яви, что бессмертным не дается
но внятна Антигоне и Эдипу
траве людской познавшей кто она
всем тем кто сжег дотла глазницы
и белыми дорогами идут

22 ИЮЛЯ

крокодилов есть... нетленная, ей богу, пицца...

1 АВГУСТА

...ну посмотри же, посмотри же внимательно! Смотри, как смотрят деревья, как смотрят камни или стены. Кто сказал, что они не видят, раз у них нет глаз. А наши — на что? Разве деревья, цветы, какая-нибудь ледащая птичка, большеголовый зимородок — не видят нашими глазами? Но только очищенными до птички и стены. Очищенными остановкой, очищенными от ложного потока ложных мыслей. Ибо чаще всего мы видим своими путанными мыслями, а не глазами, сотворенными богом. Стена, птичка... Вот чистыми-то нашими глазами они себя только и могут увидеть, они тогда и нас могут увидеть, а мы можем не только — их, но и в кои-то веки других людей и себя тоже. Разве хоть раз в жизни нам не пела птица, увидевшая нас нашими же глазами с помощью своей явленности в этот поток жизни, который она с нами разделила. Разве не смотрела на нас фиалка. Разве не смотрела на нас хоть раз в жизни дева, как фиалка?

7 АВГУСТА

Софокл пишет: «Я думаю, мы все — живые люди — лишь призраки, одни пустые тени». Ведь не ради красного словца сказано, ведь возможно это думал про себя и сам автор. А, скорее всего, он делится одной из своих глубочайших мыслей, вернее, ощущением, уточненным и подкрепленным мыслью. Но если это так, то что

тогда давало ему силы жить? Ведь сознание, что ты тень, призрак, как бы ни возносили тебя над этим положением святые мистерии Элевсина, делает жизнь невозможной. Значит, надо либо все время забывать положение вещей (да и, кстати, что тут сложного? — все знают, например, что умрут, но это не делает их жизнь невозможной или безумной, потому что это знание не в силах прервать всеобщий сон забвения — бульон для призраков, вино для сновидческих фантомов), либо найти ответ на вопрос: как мне, призраку, прикажете жить, чтобы я смог расстаться со своей призрачностью? Греки повнимательней нас относились к словам — что сказано, то есть *дело*. Какая же мощь таилась в этих детях Аполлона и Диониса! Что-то было в них такое, что перекрывало утверждение о призрачности, не смотря на всю его трагическую и безысходную правду. Что? Пропой мне птичка, провой собака, прокукарекай петушок на заборе.

